

УДК 130.2; 141
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475
EDN QKHUIY

К вопросу о социокультурной феноменологии войны

¹ Усова Г.М., ² Цуриков И.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – осмыслить пространство культурных смыслов войны и духовно-нравственных трансформаций человека в практиках войны. Доказано, что осмысление парадигмы войны как формы бытия культуры и человека в пространственно-временном континууме ставит вопрос о границах трансформации образов и смыслов войны и человека в условиях военных действий. Обоснован тезис о том, что целостная философская рефлексия образов и концептов «войны» в истории и современности неразрывно связана с проблемой человека, моральными императивами личности, которые в объективных военных реалиях подвергаются радикальным трансформациям и коррозии. Отсюда правомерно допущение, что пространство культурных и нравственных смыслов войны сравнимо с кантовской непознанной «вещью в себе», философские контексты которой связаны с категорическим моральным императивом, ограничиваемого войной, когда его нравственные модусы деформируются и разрушаются.

Ключевые слова: война, человек, культура, нравственность, феноменология, военный гуманизм, духовно-нравственные трансформации

Для цитирования: Усова Г.М., Цуриков И.М. 2026. К вопросу о социокультурной феноменологии войны. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 51(2): 469–475. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475 EDN: QKHUIY

On the Issue of the Socio-Cultural Phenomenology of War

¹ Galina M. Usova, ² Igor M. Tsurikov

¹ I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the socio-cultural phenomenology of war and man in war conditions. The object is the cultural and historical phenomenon of war in the space-time continuum; the subject is the modification of a person as a conceptual character in the conditions of military practices. The goal is to understand the space of cultural meanings of war and spiritual and moral transformations of a person in war conditions. It is proved that the understanding of the paradigm of war as a rational-reflective form of being of culture and man in the space-time continuum raises the question of the boundaries of the transformation of images of war and man in the conditions of military practices. The thesis is substantiated that: the holistic reflection of the image and concept of "war" in history and modernity is inextricably linked with the "human problem", the moral imperatives of personality, which in objective military realities undergo radical transformations. Hence, it is legitimate to assume that the space of cultural meanings of the phenomenon of war is comparable to Kant's unknown "thing in itself",

the philosophical meanings and contexts of which are associated with a categorical moral imperative, which war violates, deforms and to some extent restricts.

Keywords: war, man, culture, society, phenomenology, military humanism, spiritual and moral transformations

For citation: Usova G.M., Tsurikov I.M. 2026. On the Issue of the Socio-Cultural Phenomenology of War. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 469–475 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475 EDN: QKHUIY

Вопрос о смыслах войны остаётся одним из центральных в философской рефлексии, вызывая полярные оценки – от критики войны как разрушительной силы до её апологетики как формы бытия. На протяжении веков осмысление войны носило преимущественно образно-метафорический характер, однако философский анализ образов войны позволял формулировать теоретические модели познания этого феномена.

Введение термина «философия войны» связывается с именем маркиза Жоржа де Шамбре, участника русско-французской войны 1812 года (труд «Философия войны» – *Philosophie de la guerre*, 1828 г.). В истории науки и философии комплексное осмысление «философии войны» как самостоятельного научного направления восходит к концу XIX – началу XX века. С тех пор избранная нами тематика, в центре которой мы ставим аксиологию и философию войны, разработана достаточно глубоко. Особо отметим заслуги русского теоретика войны А.Е. Снесарева, междисциплинарный труд которого создан на стыке философии и военной науки. В противовес устоявшейся традиции «узкого» понимания философии войны учёный развивал её аксиологическую концептуализацию.

Образы и понятия войны, претерпевая определённые трансформации во времени, выступали определённым «...конструктом, основанным на совмещении таких составляющих компонентов как рационалистический и эмоционально-психологический. В любую историческую эпоху образ войны имеет свои, присущие только ему, характеристики, зависящие от социокультурных детерминант» [Герасимов, 2019, с. 10]. Мы считаем, что, во-первых, феноменологическая экспликация проблемы «войны и человека» в философии культуры предполагает трактовку и понимание «войны» как рационального философского концепта, подчёркивая значимость его философско-культурологической идентификации и определения базовых онтологических и аксиологических характеристик. Необходимо и выявление глубинных семантических значений тех концептов и образов, которыми это явление формируется и функционирует в культуре и научном дискурсе. Во-вторых, данный ракурс исследования военной проблематики требует уяснения глубинной герменевтики смыслов культурно-исторического и современного пространства войны и человека в условиях войны в диахронном и синхронном измерениях.

Данная тема столь же многоаспектна и с точки зрения «компетенций и презумпций современного ratio: диалектика жизни предоставляет немало примеров крайней «неразумности» человечества, в том числе на стадии научно-технического прогресса. Действительно: «вооружённый» интеллект человек, наш современник, ведёт себя крайне неразумно, подводя человечество к тотальной самоликвидации, в частности, путём военной силы. Это лишь подчёркивает необозримые горизонты разрушительных последствий и антигуманных деструкций, которые настигают любое общество и культуру в процессе военного насилия и с неизбежностью влекут за собой метаморфозы самого человека, множат противоречия и парадоксы в обществе.

Осмысливая культурно-исторический аспект заявленной проблематики, подчеркнём его бинарность и неоднозначность. Так, с одной стороны, в онтологическом измерении парадигма войны – это своего рода традиционная негативная «норма» существования человека в культуре. В этом плане феномен войны (в одном из определений) выступает всеобщей «надисторической» формой темпорального измерения культуры и, что важно, человека в культуре. Так, обратившись к классической философии и истории культуры, мы видим, например, что именно концепция «войны всех против всех» лежит в основе теории Т. Гоббса о «естественном состоянии» и связана с такими базовыми компонентами человеческой природы, как «жизненные инстинкты», «права собственности» и др., включает также «естественный разум», в силу чего человек произвольно желает избежать насильственной смерти. И это не просто умозрительная конструкция мыслителя, рефлексизирующего о сущности человека и его социальном бытии. Отчасти это некая аксиома, от которой он отталкивается в своих рассуждениях о «природе человека» и смыслах его существования как субъекта в «войне всех против всех».

Как отмечает Хана Арендт, «...война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века. Эти события пережили свои идеологические обоснования в политической ситуации нашего времени, чреватой угрозой тотального истребления в войне» [Арендт, 2011, с. 5]. Пока что «ограниченность» войны состоит в том, что она связана с феноменом смерти и возможностью тотального уничтожения человечества, хотя применительно к процессу деэсхатологизация времени В.П. Руднев констатирует, что «культуре противопоставлен страх смерти» [Руднев, 2000]. В этой связи Н.Н. Герасимов отмечает: «...важно говорить о классическом образе войны и его неклассическом варианте, который является следствием эволюционной трансформации первого» [Герасимов, 2019, с. 3], и по нашему мнению, существенным образом формирует новый идеологический фундамент и интеллектуальную атмосферу в обществе.

Дискурс осмысления военной тематики и человека в социокультурном контексте исторических военных практик, распространяющихся на сегодняшние реалии культуры, в значительной степени также приводит к определённым модификациям массово-коллективного и индивидуально-персонифицированного сознания [Шакирова, Герасимов, 2015]. Особенно этот процесс затрагивает механизмы воспроизводства молодёжного сознания. Это осложняется недостатками «...мультидисциплинарного исследования феноменологических модельных идеализаций основных деформаций онтологических оснований человеческой жизнедеятельности (утрата телесности, семьи, этноса, веры, морали)» [Римская, 2011, с. 11], что вполне соотносится с проблематикой изучения феноменологии и философии войны.

Примечательно, что современная концептуализация феномена войны и человека как её персонифицированного субъекта сопровождаются появлением новых подходов и интерпретаций, связанных с сущностными и содержательными характеристиками военного гуманизма. В частности, речь идёт о явлении «нового военного гуманизма» [Литвинский, 2023, с. 378], связанного по меньшей мере с двумя факторами. Во-первых, с очередной вспышкой гонки вооружений, предельным обострением, накалом борьбы принципов и мировоззрений бинарных оппозиций «Запад – Восток». Во-вторых, с кризисной ситуацией вокруг прежнего (традиционного) понимания военного гуманизма, суть которого реализуется тогда, когда, по словам Б.А. Литвинского, «...свобода в ходе боевой деятельности предполагает ответственность перед обществом за свой поступок» [Литвинский, 2023, с. 377], а также этический компонент, включающий такие идентификаторы, как «...уважение и сострадание к противнику, верность своим ценностям, достижение общественных целей путем наименьших жертв» [Литвинский, 2023, с. 377] и др. Утверждается, что он якобы исчерпал себя, потерял свои внутренние

возможности и потенциальные резервы. И, следовательно, в условиях современных войн не может эффективно выполнять свои непосредственные функции в обществе.

Описанная ситуация, наряду с комплексом других факторов, инициировала потребность в новых трактовках военного гуманизма, замены его понятием «нового военного гуманизма». Оно, по мнению ряда военно-политических аналитиков, крупных специалистов в области технической оснащенности ведущих мировых держав, является более состоятельным и адекватным для сегодняшних военных (и мирных) социокультурных реалий. Нам представляется, что методология данного подхода базируется на индивидуалистической парадигме мысле- и жизнедеятельности западного общества и центрируется идеей доминирования индивидуально-личностного начала над коллективным, общественным (ключевой постулат нового военного гуманизма). А сама (достаточно «возрастная», не новая) идея приоритетности, «священности» личных интересов восходит к западноевропейской средневековой этике, а точнее, к этическим основаниям рыцарской субкультуры, где в явном виде прослеживается отождествление понятий «военного гуманизма» и «военной добродетели». Рыцарская этическая парадигма освещена и находит прямое отражение в типовом «Кодексе чести». Его основные догматические заповеди-правила, в которых прописана линия поведения, образа жизни и этикета, визуально и по существу соотносятся с гуманистическими принципами. Среди них: «Повиновение Церкви и забота о ней; уважение ко всем и верность своим предводителям; щедрость по отношению к беднякам; смелость и сострадание в бою; помощь и содействие слабым» [Клешан Пюи дю, 2004, с. 83] и др. То есть согласно рыцарской этике безупречное признание такой благородной этической парадигмы и безоговорочное следование ей выступало абсолютным гарантом особого иерархического социального статуса всего рыцарского сословия. Данная парадигма также служила своего рода индульгенцией для рыцарской средневековой институции, а в целом выступала руководством к действию, настольной книгой рыцаря-воина, транслируя в мирское общество благородный образ воина-гуманиста, которой не только поддерживался всем рыцарским братством, но, что значимо, раскрывал содержательный контекст рыцарской культуры и её смысловую герменевтику. Эта тематика благородного военного гуманизма, восходящая к Средневековью, проецируется и на русскую классическую военную историю, создавшую концепт-образ русского воина, солдата, бойца с непреложными высокими духовно-нравственными качествами.

Не случайно морально-нравственный аспект «классической» войны и человека в условиях военной жизни широко представлен в отечественном, в том числе поэтическом, литературном, музыкально-философском, дискурсе. Однако сегодня в условиях современных военных практик на фоне глобального противоборства культурно-цивилизационных систем смысловые контексты рыцарской этической парадигмы если не канули в лету, то претерпели радикальную трансформацию, во многом – в направлении применения антигуманных, вплоть до бесчеловечных, абсолютно беспринципных с точки зрения морали стратегий. Они, говорят учёные, не соотносятся с сущностными характеристиками подлинного военного гуманизма, а скорее синонимичны понятию военного насилия и его аналогам. Среди таких стратегий и установок, констатирует О.А. Бельков, «особое место занимает насилие военное» [Бельков, 1998].

Следует согласиться с Б.А. Литвинским: «В наши дни внедрение принципов военного гуманизма осуществляется с применением военного насилия, что говорит о том, что свободные субъекты, например государства, для достижения своих политических целей готовы использовать любые средства, невзирая на причиненный ущерб и дальнейшие последствия» [Литвинский, 2023, с. 378]. Напомним, что подобная идеология с приоритетной ролью военного, силового фактора и права сильного перед слабым развивается в социально-политической концепции Н. Макиавелли, отдававшего приоритет доводам военного насилия в ущерб другим формам аргументаций, использующих именно

силовое давление (особенно если речь идёт о государственных интересах). В свою очередь, мы в аксиологическом контексте вопроса об оправданности или неприятии феномена войны считаем, что, во-первых, военные практики, вне зависимости от их видовой типологии, как правило, ослабляют жизнеспособность даже, казалось бы, самой успешной и амбициозной цивилизационной системы. Во-вторых, надо учитывать и то, что в условиях ведения войны государство влияет на ход политических и иных событий, накладывает ограничения на гражданские свободы индивидуумов, но одновременно государство и власть сами становятся субъектами, ограниченными условиями и факторами войны. Примечательно, что, поднимая тему о нравственных основаниях здорового и свободлюбивого общества, американский учёный Б. Бейлин писал о «разрушительные меры, под общим именем «разложение» [Бейлин, 2010, с. 41]. А если оно целиком овладеет властью, обществом, гражданскими и политическими структурами то, согласно Б. Бейлину, «...настанет конец независимости и свобод» [Бейлин, 2010, с. 41].

Обобщая рассуждения о «классическом» и «новом» военном гуманизме, отметим, что, речь идёт не о кризисе военного гуманизма с его здоровой семантической нагрузкой, а, скорее, о намеренно-конъюнктурных попытках его системной трансформации, перерождения в так называемый новый военный гуманизм в соответствии с социальным заказом. Ведь при ближайшем рассмотрении мы увидим, что так называемый новый гуманизм, ориентированный на конкретную целевую аудиторию, призван якобы путём замещения устаревшего, традиционного, отстаивать дело мира, собственные ценности и интересы человека. То есть с точки зрения приверженцев этого подхода именно новый гуманизм в полной мере отвечает задачам реализации человеческих ценностей, способствует защите прав и свобод, не попирая международное право. На деле же мы убеждены: идеология нового военного гуманизма, его неморальные принципы и доминанты идентифицируются как бесчеловечность в парадигме понимания войны как насилия [Калдор, 2015]. Примерно в этом же ключе и тематическом поле рождаются и создаются контексты и ответвления, связанные с теориями оборонного сознания и др. Можно допустить, что какая-то часть из таких формообразований является добросовестным заблуждением своих приверженцев. Но, скорее всего, новые сообщества, движения и дискурсы можно рассматривать в качестве идеологически заданных траекторий политического поведения.

В контексте взаимосвязи между образами войны и трансформацией человека в её условиях мы отмечаем, что эксплицированные выше новые процессы способствуют созданию особого социального пространства в период войны [Бикбов, 2014; Ван Кревельд, 2005], затрагивая основания цивилизационных систем. Тем самым они (процессы) порождают новейшую типологию войны и способов её технологического, информационного и другого обеспечения.

С вышеизложенных позиций интерес представляет тринитарная формула войны немецкого учёного, «философа войны» К. фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики другими средствами», находящаяся на стыке эпистемологической теории и военной философии» [Клаузевиц, 2002, с. 489]. Эта формула дополняется прагматическим пониманием политики, где разум может стать основой героических решений. При этом важно, что в своей теории войны К. Клаузевиц проблематизирует фактор духовных сил, обосновывая его в качестве опоры военной успешности, говоря: «дух привлекается неведомым», «предпочитает пребывать в царстве случая и счастья» [Клаузевиц, 2002, с. 44].

Таким образом, мы приходим к выводу о настоятельной необходимости комплексной аналитики феномена войны с точки зрения её антропологического измерения: во-первых, как глобального культурно-исторического явления с выраженной деструктивной природой и антигуманистической сущностью и, во-вторых, в сопряжении с

экзистенциальной проблемой человека, его духовно-нравственного метаморфоза, неизбежного в условиях любой войны как отрицания жизни.

Как пишет Е.К. Мамина, «...историческое значение войны не может подвергнуть сомнению характеристику любой войны как убийство одних людей другими» [Мамина, 2006, с. 11]. Поэтому, не претендуя на универсализм, мы убеждены: война в корне противоречит естественной природе человека, она разрушает человека, прежде всего изнутри, трансформируя и калеча его душевный и духовный мир. В конечном счёте война узурпирует естественно-родовое человеческое право на жизнь. И если, скажем, театр не может изменить мир, но меняет человека, то ситуация войны с неизбежностью меняет и мир, и самого человека, как правило, в худшую сторону. Во всяком случае, как пишут учёные, ни одна война не осчастливила человека в диалектике прошлого, настоящего, будущего.

Список литературы

- Арендт Х. 2011. О революции. Пер. с англ. И. Косич. Москва, Изд-во «Европа», 464 с.
- Бейлин Б. 2010. Идеологические истоки Американской революции. Пер. с англ. Москва, Новое издательство, 308 с.
- Бельков О.А. 1998. Военное насилие: конфликтологический анализ. Национальная электронная библиотека. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/152047p.html> (дата обращения: 12.06.2026).
- Бикбов А.Т. 2014. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики. 431 с.
- Ван Кревельд М. 2005. Трансформация войны. Москва, Альпина Бизнес Букс. 343 с.
- Герасимов Н.Н. 2019. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 25 с.
- Дугин А.Г. 2004. Философия войны. Москва, Яуза, 45 с.
- Калдор М. 2015. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Москва, Издательство Института Гайдара. 416 с.
- Керсновский А. 2023. Философия войны. История русской армии. Москва, Эксмо, 704 с.
- Клаузевиц К. фон. 2002. О войне: В 2 т. Т. 1. Москва, АСТ; СПб., Terra Fantastica, 559 с.
- Клешан Пюи дю Ф. 2004. Рыцарство. СПб., Евразия, 192 с.
- Куманьков А.Д. 2019. Философия войны: краткий очерк истории. *Логос*, 29(3): 99–116.
- Литвинский Б.А. 2023. Военный гуманизм и космос: проблемы современности. В кн.: Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Красноярск, СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 3: 377–379.
- Мамина Е.К. 2006. Проблема смысла войны в философии Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 21 с.
- Римская О.Н. 2011. Феноменология субкультурных религий. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 23 с.
- Руднев В.П. 2000. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. Москва, Аграф, 260 с.
- Шакирова Е.Ю., Герасимов Н.Н. 2015. Концепт войны в социокультурном пространстве. В кн.: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы V Всероссийской конференции. Липецк, ЛГПУ: 105–111.

References

- Arendt H. 2011. O revolyutsii [On Revolution]. Transl. from English by I. Kosich. Moscow, Izd-vo Evropa, 464 p.
- Bailyn B. 2010. Ideologicheskie istoki Amerikanskoy revolyutsii [The Ideological Origins of the American Revolution]. Transl. from English. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 308 p.
- Bel'kov O.A. 1998. Voennoe nasilie: konfliktologicheskii analiz [Military Violence: A Conflictological Analysis]. Natsional'naya elektron'naya biblioteka. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/152047p.html> (accessed: 2026-06-12).

- Bikbov A.T. 2014. Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menyayut nashu real'nost' [The Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 431 p.)
- Van Creveld M. 2005. Transformatsiya voyny [The Transformation of War]. Moscow, Al'pina Biznes Buks. 343 p.
- Gerasimov N.N. 2019. Filosofskiy analiz obraza voyny v epokhu globalizatsii [Philosophical Analysis of the Image of War in the Era of Globalization]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Volgograd, 25 p.
- Dugin A.G. 2004. Filosofiya voyny [The Philosophy of War]. Moscow, Yauza, 45 p.
- Kaldor M. 2015. Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 416 p. (In Russian)
- Kersnovskiy A. 2023. Filosofiya voyny. Istoriya russkoy armii [The Philosophy of War. History of the Russian Army]. Moscow, Eksmo, 704 p.
- Clausewitz C. von. 2002. O voyne [On War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, AST; St. Petersburg, Terra Fantastica.
- Kleshchan Pyui dyu F. 2004. Rytsarstvo [Chivalry]. St. Petersburg, Evraziya, 192 p.
- Kumankov A.D. 2019. Filosofiya voyny: kratkiy ocherk istorii [Philosophy of War: A Brief Historical Sketch]. *Logos*, 29(3): 99–116.
- Litvinskiy B.A. 2023. Voennyi gumanizm i kosmos: problemy sovremennosti [Military Humanism and Space: Contemporary Problems]. In: Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Problems of Aviation and Cosmonautics: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference]. *Series Social, Economic and Human Sciences. Krasnoyarsk, SibGU im. M.F. Reshetneva*, 3: 377–379.
- Mamina E.K. 2006. Problema smysla voyny v filosofii F.M. Dostoevskogo i V.S. Solov'eva [The Problem of the Meaning of War in the Philosophy of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 21 p.
- Rimskaya O.N. 2011. Fenomenologiya subkul'turnykh religiy [Phenomenology of Subcultural Religions]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Tula, 23 p.
- Rudnev V.P. 2000. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta [Away from Reality: Studies in the Philosophy of the Text]. Moscow, Agraf, 260 p.
- Shakirova E.Yu., Gerasimov N.N. 2015. Kontsept voyny v sotsiokul'turnom prostranstve [The Concept of War in Sociocultural Space]. In: Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy transformatsii: Materialy V Vserossiyskoy konferentsii [Humanities in the Context of Contemporary Sociocultural Transformation: Proceedings of the 5th All-Russian Conference]. Lipetsk, LGPU: 105–111.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.10.2025

Поступила после рецензирования 28.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 28, 2025

Revised January 28, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усова Галина Михайловна, старший преподаватель кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Цуриков Игорь Максимович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina M. Usova, Senior Lecturer, Department of Forensic Science, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Igor M. Tsurikov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.